

Выставка Алексѣя Юпатова.

Вспоминаются... Какъ странно этимъ словомъ начинать рецензію о совсѣмъ молодомъ художникѣ! А, между тѣмъ, дѣйствительно, вспоминаются его вещи,—онѣ были выставлены нѣсколько лѣтъ тому назадъ на смѣшанной выставкѣ: тамъ было много именъ, а память, все-таки, отмѣча-

Книжный знакъ проф. В. И. Синайскаго работы худ. А. Юпатова.

еть именно Алексѣя Юпатова. Тогда обратили на себя вниманіе его иллюстраціи, голевскіе ночные мотивы. На этой выставкѣ ихъ нѣтъ, и объ этомъ, пожалуй, можно пожалѣть, хотя выставка полна, разнообразна и во многихъ отношеніяхъ внушительна.

Она свидѣтельствуетъ о высокихъ задачахъ художника, его высокихъ настроеніяхъ. Здѣсь — мечтательность, преданность старинѣ и религіозность. Темами Ал. Юпатова стали живая дѣйствительность и воображаемая жизнь, — здѣсь наблюдательность и фантазія. Поэтому и всѣ вещи

этой выставки слѣдовало бы раздѣлить на двѣ группы. Къ первой относятся воспроизведенія старой Риги, ея Латгальскаго предмѣстья, «Послѣ случайной дуэли», «Дворъ», старыя улицы въ краскахъ, дома, фонари, тишина, полупримолкшіе будни.

Рядомъ — плоды воображенія. Они такъ и называются: «Воображаемые портреты», «Въ воображаемомъ С.-Петербургѣ», — дальняя эпоха 30-хъ годовъ пропала вѣка. Въ той или другой формѣ Ал. Юпатова манитъ прошлое, давнее, заглохшее. Съ изумительной тщательностью, съ большимъ искусствомъ даны двѣ «Иродіады», древній мотивъ звучитъ въ «Княжеской четѣ», и тѣмъ же духомъ овѣяны иллюстраціи къ Борису Годунову, какъ «Иродъ».

Центральной вещью на этой выставкѣ можно считать «Венеціанца», — большіе глаза, холодность, жестокость и сила. Это — Венеція, ея тѣлеса, ея видѣнія, ея вѣчныя неумирающія черты — смѣсь властолюбия и побѣдной красоты. Хорошее и большое впечатлѣніе производитъ «Смерть», тутъ чувствуется воздѣйствіе своихъ началъ: впечатлѣніе дѣйствительности чуть-чуть мрачное воображеніе, мощная въ то же время спокойная экспрессія, убѣдительность и художественная сдержанность.

На выставкѣ много книжныхъ знаковъ и они тоже говорятъ о благородныхъ пристрастіяхъ, о любви къ книгѣ, о тихихъ яркихъ замыслахъ, — выразительные, индивидуализированные, легко открывающіе свой таенный символическій смыслъ. По эта выразительность — вездѣ, и она должна проражать въ жестокомъ выраженіи лицъ Ирода: непреклонность, даже кровожадность и какое-то бездумное, прямолинейное безсердечіе.

Алексѣя Юпатова волнуютъ и притягиваютъ иконописные мотивы, и они говорятъ о молитвенныхъ настроеніяхъ, о благовѣйномъ отношеніи и къ этимъ темамъ, къ своему искусству, и къ выбору сюжетовъ, и къ тщательности отдѣлки, о сосредоточенномъ духовномъ восхищеніи. Это — интимный міръ, скромная молебеня, чистота помысловъ, разбуженный уголъ дорогихъ святыхъ. Здѣсь — идеализмъ и молитвенность.

ПЕТРОНИЙ.